

АРХИВЪ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНИЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Калаговыимъ.

164570.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА,
Въ Типографии Александра Семена,
на Софийской улицѣ.
1850.

ОТАВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, УКАЗАНІЯ И НОВОСТИ

для

ОБЪЯСНЕНИЯ

БЫТА И ПИСЬМЕННОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

II.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРИМѢТАХЪ.

Давно уже слышишься у насъ со всѣхъ сторонъ безпрестанныя жалобы на невѣжественное легкомыслѣ, съ которымъ мы обыкновенно смотримъ на свои историческіе памятники, и обращаемся съ ними. Упреки эти, къ несчастію, вполнѣ справедливы. Если можно указать на нѣсколько счастливыхъ, даже блестательныхъ исключений, то всѣ же онѣ, покуда,—капля въ морѣ—такъ много памятниковъ, и такъ мало еще сдѣлано для сохраненія ихъ отъ утраты, болѣею частію невознаградимой.

Историческіе памятники, живущіе въ устахъ и обычаяхъ народа, и сдѣловательно болѣе другихъ подверженныя измѣненіямъ и уничтоженію, обратили на себя въ послѣднее время особенное вниманіе нѣкоторыхъ ревнителей Русской старины. Пѣсни, пословицы, народные праздники и обряды нашли усердныхъ и добросовѣстныхъ собирателей, даже имѣютъ свою литературу; для языка и мѣстныхъ нарѣчій также собраны богатые материалы. Словомъ для всѣхъ этихъ частей Русской этнографіи и археологіи кое-что уже сдѣлано и обнародовано, еще болѣе хранится въ рукописяхъ. Но по какому-то странному случаю нѣкоторые устные памятники остались какъ будто забытыми, и до сихъ поръ не обращали на себя, сколько мы знаемъ, почти никакого вниманія.

Къ числу ихъ относятся *примѣты*. Г. Сахаровъ, оказавшій столь существенные услуги Русской археологии, помѣстилъ въ своемъ драгоцѣнномъ собраниі «Сказаній Русскаго народа» много примѣтъ, относящихся къ извѣстнымъ днямъ, временамъ года, народнымъ праздникамъ и обрядамъ; кромѣ того въ программѣ, предпосланной изданію, онъ обѣщаѣтъ посвятить имъ и повѣрьямъ цѣлую книгу (Тома IV книгу XXV). Къ сожалѣнію эта часть «Сказаній» еще не вышла. До сихъ поръ появилось только два тома собрания г. Сахарова, и судя по числу лѣтъ, протекшихъ между выходомъ въ свѣтъ первой и второй части, не лъзя ожидать скораго появленія четвертой. Что же касается до примѣтъ, относящихся къ обрядамъ, праздникамъ, или днямъ и временамъ года, то онѣ такъ тѣсно съ ними связаны, такъ ими объясняются и взаимно ихъ объясняютъ, что нельзя ихъ отѣлить, какъ придаточной вещи отъ

главной, не затемнивъ ихъ смысла. Оттого онѣ и не подлежать отдельному разсмотрѣнію.

Мы не осмѣливаемся сообщить здѣсь извѣстныя намъ примѣты и придать имъ хвастливое название *собранія* примѣтъ. Какъ бы много мы ихъ ни знали—всё это ничто въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, которыхъ живутъ и до сихъ поръ въ ходу между Славянскимъ населеніемъ Россіи. Еще менѣе можемъ мы—не имѣя подъ руками богатыхъ матеріаловъ по этому предмету—дать сколько нибудь полный, удовлетворительный отчетъ объ этомъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайно важномъ источнику Русской археологии. Ограничимся тѣмъ, что въ нашихъ силахъ. Выскажемъ иѣсколько общихъ сдѣланныхъ нами замѣчаній о происхожденіи, значеніи примѣтъ и о томъ, какъ должно за нихъ браться. Послѣднее труднѣе, чѣмъ кажется съ первого взгляда. Историческіе памятники, не говорящіе словами, каковы обряды, религіозныя вѣрованія, предразсудки, и т. д.—упорно хранять тайну своего значенія и смысла. Чтобы заставить ихъ говорить нужны извѣстные пріемы, извѣстная манера, способъ спрашивать.

Что такое *примѣтъ*? Это *примѣченіе* человѣкомъ *постоянное*, но непонятное для него отношеніе между какими нибудь явленіями, или событиями въ ежедневномъ быту, нравственномъ или физическомъ мірѣ—всё равно. Не зная законовъ того и другаго міра, не понимая связи между причиною и дѣйствіемъ, поводомъ и его слѣдствіемъ, человѣкъ наблюдаетъ, изъ своихъ наблюденій выводить заключеніе, что между извѣстными предметами и явленіями существуетъ какая-то связь, но не умѣя вывести началъ, законъ, на которыхъ она основана, онъ по необходимости повѣряетъ памяти плоды своихъ наблюдений. Такъ образуется множество примѣтъ, болѣе или менѣе вѣрныхъ, смотря по наблюденіямъ.

Но кромѣ этого, есть и другой способъ происхожденія примѣтъ. Всѣ вещи, предметы и явленія, имѣющія въ глазахъ человѣка религіозное языческое значеніе должны имѣть на него и на природу таинственное, сверхъестественное вліяніе и дѣйствіе. Отсюда рождается цѣлый рядъ примѣтъ. Примѣты такого рода основаны не на непосредственномъ опыте и наблюденіи, а суть слѣдствіе представлений, вѣрованій. Онѣ весьма справедливо названы *предразсудками*, потому что выводятся аргументами, синтетическими, а не аналитическими.

Между тѣми и другими примѣтами, не смотря на очевидное ихъ различіе по происхожденію, существуетъ самая тѣсная связь. Вспомнимъ, что вѣка прошли съ тѣхъ поръ какъ они появились; что въ продолженіи этихъ вѣковъ многія понятія, а съ ними и

примѣты измѣнились въ своеї формѣ; что Церковь, преслѣдуя язычество, истребила множество примѣтъ, въ другихъ существенно измѣнила первоначальный характеръ и смыслъ. Кромѣ того, истина и ложь, факты, дѣйствительно подмѣченные и вымыщленные, такъ перемѣшаны между собою въ первоначальныхъ понятияхъ и вѣрованіяхъ, что нѣть никакой возможности провести между ними рѣзкую, разграничительную черту. Примѣровъ и доказательствъ тому множество. Стойте только вспомнить пріемы нашей народной медицины. Нерѣдко при народномъ лечении употребляются травы, дѣйствительно цѣлечиные; но употребленіе ихъ обставлено обрядами и дѣйствіями, которые очевидно выросли изъ языческихъ вѣрованій. Откуда взялись они? Разсматривая ближе, мы непремѣнно найдемъ, что цѣлечиное свойство предметовъ, даже самые предметы—олицетворены, получили религіозное значеніе и вслѣдствіе того имъ приписаны сверхъестественные свойства. Основаніемъ слѣд. и здѣсь служить дѣйствительный фактъ наблюденіе, но преобразованные, искаженные ходомъ развитія понятій первобытнаго человѣка, отчего примѣшалось къ факту многое такое, чего въ немъ нѣть. Тоже повторяется въ нашихъ языческихъ вѣрованіяхъ, обрядахъ и народныхъ праздникахъ. Тоже находимъ и въ примѣтахъ. Вслѣдствіе многочисленныхъ искаженій, которымъ они подверглись, вслѣдствіе того, что они возникли не въ одно время и слѣд. подъ влияніемъ различнаго исторического возраста человѣка, весьма трудно, иногда невозможно опредѣлить, откуда возникла примѣта: изъ дѣйствительного наблюденія и опыта, или изъ священнаго значенія въ язычествѣ того предмета, или явленія, къ которому она относится. Часто примѣта, по видимому, ничто иное, какъ результатъ наблюдений надъ явленіями природы, привычками животныхъ, и т. д., а при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что еї породили не наблюденіе, а вѣрованія. Чтобы различить однѣ примѣты отъ другихъ необходимо глубокое и весьма подробное знаніе всѣхъ сторонъ нашего древнаго язычества и не менѣе глубокое знаніе естественныхъ наукъ въ самомъ обширномъ смыслѣ. Только съ помощью этихъ предварительныхъ знаній, да и то при тонкой, осторожной критикѣ, можно надѣяться внести свѣтъ въ эту область Русской археологии, обильной материалами и фактами для научнаго возстановленія нашего древнѣйшаго быта и вѣрованій.

Какъ ни бѣдны, ни недостаточны теперешніе наши способы различія примѣтъ, все же мы можемъ, хотя приблизительно, различить ихъ на двѣ большія группы. Однѣ указываютъ на дѣйствительную, или минимумъ связь и постоянныя отношенія, суще-

ствующія или предполагаемыя между различными явленіями природы; другія указываютъ на такую же связь между явленіями природы и событиями большою частію случайными въ жизни человѣка и народа, или же на связь и отношенія между сими послѣдними событиями.

Первыхъ примѣтъ множество. Большая часть изъ нихъ суть плодъ опыта, наблюдений надъ естественными явленіями: «на молодомъ мѣсяцѣ рыба клюетъ»; «лонади фыркаютъ передъ дождемъ», «толкунцы толкуютъ передъ вѣдромъ»; «рыба не клюетъ передъ дождемъ», «курица стоитъ на одной ногѣ—стужа будетъ»; «кошка спитъ, закрыла рыло — стужа будетъ», и т. д. Конечно и между ними есть многія, первоначального происхожденія которыхъ должно искать въ древнѣйшихъ, языческихъ представлѣніяхъ. Не всеъ ониѣ справедливы; стало быть не всеъ объясняются опытомъ, а должны быть объясняемы чѣмъ нибудь другимъ. Предметы, которые въ нихъ упоминаются также заставляютъ, не безъ основанія, подозрѣвать, что если не многія, то по крайней мѣрѣ иѣкоторыя изъ этихъ примѣтъ имѣли первоначально другую форму, носили на себѣ болѣе замѣтные признаки языческаго происхожденія, но признаки эти впослѣдствіи сгладились, отчего и примѣты потеряли смыслъ, или получили обманчивое значеніе. Со всѣмъ тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, наша археология покуда слишкомъ необработана, чтобы умѣть разбирать эти стертыя гіероглифы и возстановлять ихъ. Со временемъ естествовѣдѣніе, особенно изученіе правовъ и привычекъ органическихъ существъ покажутъ намъ, что въ этихъ примѣтахъ взято изъ наблюдений и что имѣсть другой источникъ. Покуда мы, но необходимости, оставимъ ихъ въ сторонѣ, и обратимъ вниманіе на тѣ примѣты, въ которыхъ высказывается связь и отношенія между явленіями природы и быта, или между событиями какъ частной, такъ и общественной жизни.

Языческое происхожденіе примѣтъ, принадлежащихъ къ этой группѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Конечно не всеъ образовались и сложились въ язычествѣ: многія, по времени, составились очевидно позднѣе; но смѣло можно сказать, что всеъ примѣты, сюда относящіяся, возникли прямо, или косвенно подъ вліяніемъ языческаго міросозерцанія, проникнуты однимъ духомъ, имѣютъ, если можно такъ выразиться, одну общую генеалогію.

Несчастная, хотя и заслуженная судьба постигла ихъ. Церковь, очень хорошо понимая ихъ языческое происхожденіе и значеніе, преслѣдовала ихъ вмѣстѣ съ народными игрищами, обычаями, праздниками и другими атрибутами язычества. Когда послѣднєе было ослаблено и окончательно проиграло свое дѣло,

свѣтское образованіе не менѣе дѣятельно стало продолжать дѣло, начатое Церковью. Примѣты, вмѣстѣ съ другими слѣдами язычества, быстро исчезаютъ. Уже теперь, даже въ простомъ народѣ, многія изъ нихъ извѣстны только старымъ женщинамъ, и перестали существовать для большинства. Еще десятка два лѣтъ — и остается ихъ очень немногого. Конечно, это весьма отрадное и утѣшительное явленіе. Но не льзя не пожалѣть, что справедливое пренебреженіе къ этимъ остаткамъ старины не сопровождается равносильнымъ попеченіемъ сохранить ихъ для науки, какъ драгоценныя историческія памятники не только быта, но и психологическаго состоянія и развитія младенчествующаго человѣка. Примѣты изчезаютъ быстрѣ, чѣмъ записываются — это фактъ неоспоримый. Уже теперь многое утрачено навсегда; въ картинахъ древнѣйшаго быта останутся пробѣлы, которыхъ нельзя будетъ наполнить. Потеря невознаградимая, которая вполнѣ оцѣнится тогда лишь, когда мы поймемъ, какъ первобытная исторія важна для уразумѣнія послѣдующей и теперешней, и какъ мало мы сѣ знаемъ.

Огромный отдѣлъ примѣтъ, начало которыхъ коренится въ языческихъ вѣрованіяхъ, представляетъ чрезвычайно разнообразное примененіе язычества въ дѣйствительной жизни, въ ежедневномъ и частномъ быту. Это казуистика всѣхъ возможныхъ сторонъ язычества, объясняющая его въ подробностяхъ, частностяхъ, и этимъ самымъ раскрывающая многое, что истребилось уже въ повѣрьяхъ, сказаніяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и другихъ доживающихъ преданіяхъ незапамятной старины. Примѣты относятся къ тысячи предметамъ и явленіямъ для насъ весьма обыкновеннымъ, дѣйствіямъ, но теперепинимъ понятіямъ незначительнымъ, или безразличнымъ. Они обставляютъ жизнь подробнымъ кодексомъ условій, въ которыхъ она должна совершаться, во всемъ указываютъ непонятную связь, и вѣрно передаютъ намъ картину того младенческаго состоянія человѣка, когда онъ безпрекословно подчинялся окружавшему его міру, смотрѣлъ на него подобострастно, приписывалъ каждому предмету, явленію, дѣйствію жизнь, произвольность, словомъ все, что находилъ въ себѣ. Конечно эта жизнь, эта произвольность по его понятіямъ, въ свою очередь, зависѣли отъ какой-то высшѣй, невѣдомой силы и такое представленіе было весьма естественно въ человѣкѣ подавленномъ, какъ бы поглощенному вицѣніемъ, окружающимъ его міромъ: онъ не могъ имѣть понятія о совершение добровольномъ движеніи и дѣйствованіи, потому что въ дѣйствительности и то и другое было ему совершенно неизвѣстно. Но представленіе объ этой высшѣй, всѣмъ управляющей силѣ было въ немъ весьма смутно, неопределено. Онъ видѣлъ, ощущалъ ея присутствіе и

власть только въ явленіяхъ, исполненныхъ для него сверхъ естествен-
наго значенія.

Чтобъ получить хотя поверхностное понятіе о бытѣ, который долженствовалъ иѣкогда сложиться подъ вліяніемъ такого міросозерца-
нія, и въ свою очередь породилъ послѣднее, разсмотримъ иѣсколько извѣстныхъ намъ примѣтъ, относящихся къ виѣніей природѣ и
быту человѣка. Ихъ объясненіе будетъ вмѣстѣ и попыткой возбуж-
дить къ этому предмету интересъ, участіе, которыхъ онъ вполнѣ
заслуживаетъ.

Всѣмъ извѣстно, какое значеніе имѣла ночь во всѣхъ міѳологіяхъ
древнаго и новаго міра. Это царство тьмы, злыхъ и враждебныхъ
духовъ, въ противуположность дню, царству свѣта, дѣятельности
благодѣтельныхъ силъ и жизни: стоитъ только вспомнить наши
святки и ночь наканунѣ Ивана Купалы. Это же представлѣніе вы-
разилось и въ примѣтахъ. «Солнышко закатилось—не бросай соръ
на улицу—пробросаешься». «Когда солнышко закатилось—не починай
новой ковриги: разстроится богатство». «Не гляди въ окно до
утренней зори—грѣшино». Въ этѣхъ примѣтахъ высказывается мысль,
что дѣйствія, предпринятія при отсутствіи солнца, совершаются
подъ дурными предзнаменованіями, принесутъ несчастіе, или будутъ
неудачны.

Дню и ночи соотвѣтствовали зима и лѣто, стужа и тепло. «Если
зевнитъ въ правомъ ухѣ—тепло будетъ, если въ лѣвомъ—стужа буд-
етъ». Оттого другая примѣта: «утопленникъ къ стужѣ». «Если
филинъ сядетъ на крышу дома и станетъ кричать—приключится
смерть одному изъ домашніхъ». «Гдѣ гнѣздаются ласточки—счастли-
вое мѣсто.» Смысль этѣхъ примѣтъ понятенъ. Правое сопоставляетъ-
ся хорошему, добромъ, лѣвое дурному, злому; утопленникъ, погиб-
шій, какъ говорится, не своею смертью, поставленъ въ соотвѣтствіе
стужѣ; филинъ, ночная птица—зловѣщее предзнаменованіе; ласто-
чка, провозвѣстница весны—доброе, счастливое предзнаменованіе.

Извѣстная примѣта: «увидишь народившіяся мысляцѣ съ правой
стороны—неожиданное будетъ тебѣ счастіе», по многимъ признакамъ
принадлежитъ къ остаткамъ глубокой древности. Во первыхъ, луна
была предметомъ обожанія; это видно не только изъ древнійшихъ
свидѣтельствъ, но и изъ нашихъ живыхъ преданій старины. Въ за-
говорахъ, отпечатанныхъ г. Сахаровымъ, сохранились остатки язы-
ческихъ моленій лунѣ: «Мѣсяцъ ты мѣсяцъ, серебряные рожки,
златыя твои ножки! Сойди ты мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь,
унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя си-
ла могучая. Миѣ скорби не перенесть, а твоей силѣ перенесть», и

проч. (Сказаний т. I, кн. II. Чернокнижие, № 15). Отсюда понятно, почему появление месяца имело въ глазахъ нашихъ предковъ таинственное, сверхъестественное дѣйствіе на судьбу человѣка. Во вторыхъ, не менѣе замѣчательно, что примѣта относится къ народившемуся молодому месяцу: это тоже черта, указывающая на древнѣйшія вѣрованія. Въ заговорахъ нерѣдко упоминаются «рожки» луны, что показываетъ, что съ мольбами обращались къ молодому месяцу; кромѣ того должно замѣтить, что первое, новое, впервые рожденное имѣло у настѣни особенное значеніе и силу. Такъ въ народѣ есть примѣта о *первоснесенномъ ляйцѣ*: если съ нимъ обойти загорѣвшееся строеніе, то пожаръ не распространится дальше, хотя бы не было принято никакихъ предосторожностей. Наконецъ, благопріятное знаменование *праваго* и неблагопріятное *леваго*—фактъ, повторяющійся безпрестанно въ нашихъ повѣрьяхъ. «Если правая ладонь чешется — деньги получать; если лѣвая — отдавать». «Если звѣнить въ правомъ ухѣ— тепло будетъ; если въ лѣвомъ—стужа». Но всѣмъ этимъ признакамъ должно думать, что примѣта о месяце по началу своему восходитъ къ древнѣйшимъ, языческимъ временамъ; только съ этой точки зрѣнія она и становится понятной. Быть можетъ она образовалась изъ гаданій и прорицаній, имѣвшихъ въ язычествѣ религіозное значеніе, которое они впослѣдствіи утратили. Но не станемъ вдаваться въ гипотезы. Переидемъ къ другимъ примѣтамъ.

Какъ солнце, месяцъ, звѣзды, такъ и огонь имѣлъ священное значеніе. Роль, которую играли зажженые костры въ празднествѣ на канунѣ Ивана Купалы, доказывается это несомнѣнно. Но кромѣ того огонь былъ предметомъ особенного почитанія, какъ принадлежность, символъ и выраженіе *очага*—средоточія и важнѣйшей части жилья. Въ любопытномъ обрядѣ перезыванія домового изъ одного жилья въ другое домового представляютъ горящіе уголья, вынутые изъ печки оставляемаго жилища (См. «Сказаний Русскаго народа» т. II, кн. VII, Народн. дневникъ стр. 54). Отсюда обѣ огни множество примѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вздувая огонь вечеромъ творять молитву и крестятся. «Погась огонь нечаянно—нечаянныій гость будетъ». Близка къ этой другой примѣта. «Если погасять нечаянно свѣчу—гости будутъ». Вслѣдствіе этого значенія очага и огня, горящаго въ очагѣ, и всѣ дѣйствія, случаи, малѣйшія подробности, имѣвшія прямое или косвенное отношеніе къ горѣнію огня въ очагѣ, получили такое же значеніе. «Не клади дрова въ печь востриками—ссора будетъ». «Головня упала (изъ печи) нечаянно на шестокъ—нечаянныій гость будетъ». «Полѣво упало (когда несли дрова, на улицѣ или на дворѣ)—чужіе гости будутъ». «Уголь

вылетѣлъ изъ топящеїся печки — гости будуть». «Развалились въ печи дрова — гости будутъ». «Не бей человѣка лучиной—чахотка будетъ». «Когда печется хлѣбъ—не садись на печь: хлѣбъ неудаченъ будетъ» и «не мети въ избѣ: спорину выметешь». «Испекутся имянинные хлѣбы или пироги хоропо—имянинникъ проживеть годъ благополучно; неудачно—умретъ». Черные тараканы, любящіе тепло и потому живущіе въ особенности около печки (отсюда: тараканъ запечный) именно вслѣдствіе этого сливутъ въ народѣ вѣстниками счастія: «Въ домѣ много черныхъ таракановъ—къ богатству». Убивать ихъ не должно.—Во всѣхъ этѣхъ примѣтахъ конечно многое остается непонятнымъ, по крайней мѣрѣ для насть. Почему погашеніе огня и прибытіе гостей сближается такъ постоянно въ столькихъ примѣтахъ, мы не беремся объяснить, хотя, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, такое сближеніе не даромъ встрѣчается. Какъ бы то ни было, но основная мысль и причина всѣхъ приведенныхъ нами примѣтъ ясна. Горѣніе огня въ печѣ имѣло религіозное значеніе, исполненное таинственного смысла. Постороннія занятія въ это время, движенія, въ которыхъ выражалось отсутствіе благоговѣнія, строго воспрещались, и подвергались карѣ невидимыхъ силъ. Всё, что происходило отъ горѣнія и при горѣніи, было исполнено смысла и служило предзнаменованіемъ; то, что огонь привлекалъ къ себѣ, было ему пріятно, и слѣд. само, въ свою очередь, отражало на себѣ сверхъестественный его характеръ.

Мы говорили объ очагѣ и его важномъ значеніи въ язычествѣ. Такое же значеніе получило жилье и всѣ, что въ немъ находилось, или къ нему принадлежало. Множество примѣтъ доказываютъ это. «Не стучи ключами—ссора будетъ». «Не играй счетами—ссора будетъ». «Не шагай черезъ коромысло—судороги потянутъ». «Не наступай на помело, и не шагай черезъ него—судороги потянутъ». «Не клади прялку на столъ—сорокъ грѣховъ наживешь». Прялка—непремѣнныи атрибутъ вѣльмы, какъ ступа—бабы-яги. Положить прялку на столъ, мѣсто обѣда, также безчинно, какъ садиться на печь, когда она топится: это величайшее оскорблѣніе домашней святыни, особенно по значенію, которое, какъ мы видѣли, имѣла прялка. Обѣдъ, равно какъ и вся поваренная и обѣденная посуда тоже имѣли въ глазахъ нашихъ предковъ религіозное значеніе. Причину отгадать не трудно. Общественные (мірскіе) и семейные столы находились въ неразрывной связи съ жертвоприношеніями; отъ послѣднихъ перешло оно и къ обыкновенному обѣду, обѣденной и поваренной посудѣ. «Перекрестившись послѣ стола, не садись опять есть—крестники умрутъ». «Не выходи изъ за стола въ другую сторону (въ противоположную той, куда зашелъ)—заблудишься». «Не

стели скатерть (на столъ) вдвое — двойниковъ принесешь». «Зубы (во время ъды) заскрипѣли — на чужой хлѣбъ». Да же: «Не оставляй на ночь на столъ ножъ — лукавый зарѣжетъ». Извѣстно гаданіе о суженомъ на святкахъ: дѣвушка накрываетъ на столъ, кладетъ на немъ приборъ и садится къ зеркалу, ожидая суженаго. Когда онъ придетъ, нужно произнести заклинаніе, чтобы онъ не зарѣзъ ножемъ. «Ложкой въ край чашки не стучи — скора будешь». «Мутовкой въ край квашни, чашки, и т. п. не стучи — скора будетъ».

Значеніе порога также всѣмъ извѣстно. «Черезъ порогъ не здоровайся — разсоритесь». «Не садись на порогъ — женихъ или невѣста воротятся (т. е. бракъ не состоится)». Въ этихъ примѣтахъ сохраняется воспоминаніе о прежней отдѣльности, обособленности, замкнутости жилищъ. Паходиться съ кѣмъ либо въ спошніяхъ черезъ порогъ, значитъ обращаться съ нимъ какъ съ чужимъ, т. е. врагомъ.

Шаравиѣ съ помеломъ имѣло особенное значеніе и метеніе. «Не мети вдругъ вездѣ (напр. въ избѣ, и въ тоже время въ горницѣ) — разойдется богатство». «Въ одной избѣ не мети многими вѣнками — разойдется по угламъ богатство». «Мети избу чище — попадется хороший женихъ». Если всѣ неодушевленныя принадлежности жилья имѣли въ язычествѣ религіозный характеръ, то тѣмъ болѣе живыя существа, принадлежащія къ дому, живущія во дворѣ, полезныя для человѣка. Вотъ нѣсколько примѣровъ. «Когда кошка чихнула — скажи здравствуй: зубы не заболятъ». «Кошка загребаетъ лапами — гости будутъ». Кошка, по-видимому, дѣйствовала подъ наитіемъ злыхъ духовъ, что легко объясняется изъ свойствъ этого животнаго, ея зоркости, бдительности ночью, въ темнотѣ, и т. д. Нельзя возить кошечкъ на лошадяхъ — послѣднія отъ того сохнутъ. Вспомнимъ также, что изъ черной кошки вываривается, съ разными таинственными обрядами, костка невидимка. «Не пихай собаку — судороги потянутъ». «Собака потянулась на человѣка — корысть будетъ (такая же примѣта есть и о кошкѣ)». «Собака лаетъ передъ домомъ къ низу — покойникъ будетъ; къ верху — пожаръ будетъ»; или: «собака воетъ поднявъ голову къ верху — будетъ неурожай хлѣба; опустивъ къ низу — будетъ болѣзнь, отъ которой умрутъ многіе». — «Не пихай свинью — своробъ выступитъ».

По особенію важную роль играютъ въ нашихъ народныхъ суевѣряхъ пѣтухъ и курица. Изъ разныхъ повѣрій и примѣтъ обѣ этой птицѣ можно составить цѣлую весьма интересную и для нашей археологіи важную монографію. Въ свадебномъ обрядѣ курица играетъ замѣчательную роль. Её приносятъ къ священнику, или

помѣщику, прося позволенія женить сына; курицу въ разныхъ видахъ подаютъ молодымъ въ день свадьбы; употребленіе въ пищу именио этой птицы, въ торжественномъ обрядѣ, каковъ свадебный, указываетъ на совершающееся въ это время въ язычествѣ жертвоприношеніе курицы. Но кому? Кажется домовому. На эту догадку невольно наводить страшный обычай, соблюдаемый въ некоторыхъ мѣстностяхъ Россіи на свадебныхъ обрядахъ: когда молодые входятъ въ избу, въ домъ новобрачнаго, одна изъ старшихъ женщинъ (не помнить, его мать, сваха, или другая) тайно отъ всѣхъ бросаетъ подъ печку жареную курицу, чтобы молодые были счастливы и богаты. Въ народномъ дневникѣ г. Сахарова читаемъ, что 28 января усмиряютъ домового кудесами. Кудесы заключаются въ томъ, что колдунъ, въ самую полночь зарѣзываѣтъ пѣтуха, выпускаетъ кровь на голицъ, и выметаетъ имъ всѣ углы въ избѣ и на дворѣ съ причитаніемъ заговоровъ. Въ Вологодской губерніи простой народъ думаетъ, что Ѣсть пѣтуховъ—грѣхъ. Но слѣдуетъ всего сказаннаго было бы странно, еслибъ эта птица была забыта въ примѣтахъ. Повѣрье, что кто краля курь—у того руки трясутся, вовсе не было шуткой въ устахъ нашихъ предковъ—язычниковъ. При ихъ понятіяхъ это повѣрье имѣло полный смыслъ, пронстекавшій изъ значенія курицы. Весьма замѣчательна также примѣта: «Солома пристанетъ къ хвосту курицы—въ домѣ покойникъ будетъ». Солома имѣла какое то значеніе въ языческихъ празднествахъ въ честь умершихъ. «Въ великий четвертокъ,—сказано въ Стоглавѣ (вопр. 26).—по рану солому паять и кличутъ мертвыхъ». Замѣтимъ также, что на семинской недѣлѣ, въ которую совершались поминки, совершались и проводы русалокъ, и русалку представляла въ этомъ обрядѣ соломенная чучела.

Довольно этихъ пѣсколькихъ примѣровъ, чтобы убѣдиться, что примѣты, по видимому безсмысленные и совершиенно произвольно выдуманныя, коренятся, по своему происхожденію, въ языческомъ бытѣ и вѣрованіяхъ, и въ этой сферѣ находятъ полное объясненіе, и сами, въ свою очередь, поясняютъ и дополняютъ въ ней многое. Конечно примѣты нелѣнность, съ догматической точки зрѣнія. Но странно и смотрѣть на нихъ такимъ образомъ. Историческая эпохи, дѣятелей мы не судимъ же съ точки зрѣнія современныхъ намъ понятій и требованій, а переносимся въ ихъ время, подводимъ ихъ подъ мѣрило, которое даетъ намъ ихъ эпоха. Такжѣ должно поступать и въ отношеніи къ преданіямъ, повѣрьямъ, памятникамъ, которые только тогда пѣлаются понятными, когда станемъ разматривать ихъ въ связи съ тѣми историческими данными, посреди которыхъ они образовались, имѣли значеніе и смыслъ. Основаніе всѣхъ

примѣтъ языческаго происхожденія — таинственное свойство предметовъ, явленій, дѣйствій или событий, или самихъ по себѣ, или по ближайшему отношенію, связи ихъ съ другими предметами или явленіями, которыя почитались нѣкогда священными. Это свойство заключалось въ ихъ зависимости отъ высшей силы. Оттого они не были случайны или произвольны, и имѣли для человѣка значеніе прорицаній или предзнаменованій, хорошихъ или дурныхъ, смотря по предмету, явленію или дѣйствію. Вотъ почему многія примѣты имѣютъ характеръ прорицаній, сентенцій, или служили текстомъ для гаданій, или для узнанія неизвѣстнаго. Въ заключеніе замѣтимъ, что таинственное отношеніе между различными явленіями и предметами нравственнаго и физического мѣра, на которое указываютъ примѣты, весьма часто ограничивается одной виѣшией или случайной аналогіей, вполнѣ высказывающей младенческія понятія человѣка. Стукъ ключей, мутовки и шумъ отъ ссоры; загребанье конинъ лапами, напоминающее движеніе, когда манимъ кого нибудь къ себѣ, могутъ служить примѣрами этой дѣтской аналогіи. Приступая къ объясненію примѣтъ, прежде всего должно опредѣлить предметъ, къ которому они относятся и значеніе, которое они имѣть или могутъ имѣть въ языческомъ быту. Это первое и главное, иногда довольно трудное: остальное понять легко. Философскія схемы, общія начала и воззрѣнія, глубокомысленныя аналогіи тутъ не у мѣста: предметъ такъ не хитѣръ и не сложенъ, что можно впасть въ смыслиныя, иногда вредныя для націей археологіи ошибки приступая къ нему во всеоружія высшей, философской критики.

К. Кавелинъ.

III.

ДѢДУШКА ДОМОВОЙ.

Дѣдушка домовой занимаетъ въ нашихъ преданіяхъ почетное мѣсто; вѣрованія о немъ до сихъ поръ сохраняются въ народѣ довольно яркія и подробныя, съ которыхъ еще не совсѣмъстерся языческій отпечатокъ: причина заключается въ самомъ значеніи этого миѳа.

Вѣра въ домового тѣсно связана съ языческимъ обожаніемъ *она* (небеснаго — въ образѣ *Даждьбога* и *Перуна*, и земнаго — въ образѣ